

Вся усталость Цзян Яньчжоу испарилась без следа, стоило ему увидеть Цзянь Мяо. Но радость не успела сменить утомление — взгляд зацепился за разлитый по полу милк-тей.

На мгновение его зрачки сузились, но он тут же взял себя в руки, и никто вокруг ничего не заметил.

Чжоу Юэ заскрипел зубами от глухой досады. Весь вечер, как бы ни разрывались трибуны от оглушительных криков, Цзян Яньчжоу сохранял равнодушное выражение лица — эдакий неприступный ледник, который ничем не растопить.

Но стоит появиться Цзянь Мяо, и от этой неприступности не остается и следа: холод сменяется мягкостью, а при виде пролитого напитка — той самой порции, что предназначалась ему, — на лице выступает искреннее разочарование.

Цзян Яньчжоу даже не пытался скрывать свое особое отношение к Мяо.

Чжоу Юэ благоразумно отступил и убрал руку, но не успел Цзян Яньчжоу подняться, как сквозь толпу проломился Дуань Сюй.

— Что произошло? Ты в порядке? Нигде не ушибся? — суетливо подскочил тот, с тревогой осматривая Цзянь Мяо.

Цзян Яньчжоу на мгновение замер. Взгляд его янтарных глаз тут же потемнел, став тяжелым и холодным.

Цзянь Мяо качнул головой и слегка отстранился, не давая сжать свою ладонь:

— Все нормально. Просто стаканчик выронил.

— Слава богу. Иди на улицу, ты ведь не любишь толкучку, — Дуань Сюй закрыл его собой, полностью перекрыв Цзян Яньчжоу обзор.

Ощущая на себе десятки любопытных взглядов, Цзянь Мяо невольно напрягся:

— Но как же напиток...

— Я сам все уберу, — вполголоса перебил его Дуань Сюй. — Давай, иди к Цяо Цяо.

Едва Цзянь Мяо вышел, Дуань Сюй опустил взгляд. Упаковка лопнула, сладость растеклась по покрытию, но, к счастью, никого не облила.

Он нагнулся, собрал рваный пластик, а когда распрямился, наткнулся на пристальный взор Цзян Яньчжоу.

Тот вальяжно откинулся на спинку стула и смотрел на него с абсолютным безразличием. В его позе не было ни капли смущения за устроенную суматоху — скорее, повадки избалованного барчука, ожидающего, пока слуги приберут за ним грязь. А в глубине глаз читалась ледяная досада.

Раньше Дуань Сюй еще питал иллюзии, надеясь, что Цзян Яньчжоу, как и он сам, смутно помнит события годичной давности. Но, встретив этот тяжелый, пренебрежительный взгляд, окончательно понял: тот помнит абсолютно все. До мельчайших деталей.

Дуань Сюй опустил голову, глотая обиду:

— Извини. Ребята из клуба хотели угостить напитками, вышло недоразумение.

— Пустяки, — небрежно отозвался Цзян Яньчжоу. — Только будь добр, старшекурсник, вытри тут все за собой.

Дуань Сюй замер. Он рассчитывал просто выбросить сумочку с разбитым стаканом — лужа осталась на площадке, уборщица потом вытрет... И никак не ожидал, что Цзян Яньчжоу заставит его ползать на коленях.

Ну зацепил нечаянно стакан, неужели из-за такой ерунды стоит устраивать сцену?

Студенты вокруг перешептывались, недоумевая, с чего обычный пролитый милк-тей вызвал подобную бурю. Неужели Цзян Яньчжоу настолько терпеть не может, когда ему навязывают угощения?

Лишь Чжоу Юэ прекрасно понимал: это чистейшей воды месть.

Дуань Сюй мало того что сорвал разговор с Цзянь Мяо, так еще и вызвался убирать за ним, демонстрируя свою «заботу».

Цзян Яньчжоу — настоящий дьявол, сквернее характера не придумаешь.

Едва эта мысль промелькнула в голове Чжоу Юэ, как полотенце, которое он держал, выскользнуло из его рук — Цзян Яньчжоу брезгливо смахнул его прямо на пол.

Чжоу Юэ опешил, а Цзян Яньчжоу спокойно произнес:

— Вот им и вытри. А потом захвати со всем мусором.

— Это мое полотенце! Цзян Яньчжоу, ты совсем...

Осечка. Один лишь ледяной взгляд собеседника заставил Чжоу Юэ заглохнуть на полуслове.

Цзян Яньчжоу было плевать на какое-то полотенце. Он просто пресек попытки Чжоу Юэ влезть с угодничеством, заодно доходчиво продемонстрировав остальным, чем чревата излишняя прыть.

Этот хладнокровный мерзавец шелковым становился исключительно рядом с Цзянь Мяо.

Дождавшись, пока Дуань Сюй, сжав зубы, поднимет полотенце, Цзян Яньчжоу лениво поднялся, будто окончательно соскучился от этого цирка. Напоследок, проходя мимо, он тихо бросил:

— Знаешь, Дуань Сюй... Мне как-то привычнее видеть тебя на коленях.

Эти слова ледяной иглой вонзились в самое сердце, отчего Дуань Сюя пробрала мелкая дрожь.

Когда Цзян Яньчжоу скрылся с площадки, Дуань Сюй с ожесточением сгреб рваную упаковку вместе с полными липкого чая тряпками, швырнул их в ближайшую урну и, с позеленевшим от ярости лицом, выскочил из зала.

Цяо Цяо и Цзянь Мяо ждали его у дороги между второй столовой и спорткомплексом. Увидев приятеля, Цяо Цяо тут же сунул ему влажные салфетки:

— Извини, извини! Черт меня дернул отправить Мяо-мяо с этим чаем, там же не протолкнуться было...

Дуань Сюй даже не взглянул на салфетки.

— Проехали, — буркнул он с откровенным раздражением.

Тон был настолько резким, что виноватый Цяо Цяо замер, не зная, куда девать глаза.

— Я сам виноват, не удержал, — нахмурился Цзянь Мяо. — Извини. Если тебе не по себе, Дуань Сюй, иди лучше в общежитие.

Дуань Сюй, все еще кипевший от унижения, услышал в этих словах лишь ледяное равнодушие. На него будто ведро холодной воды вылили.

— Я не злюсь, просто руки липкие... Ладно, поздно уже. Давай я провожу тебя?

Лучше бы он молчал. Услышав это предложение, Цзянь Мяо сразу вспомнил, как Дуань Сюй торчал возле его дома:

— Мне еще надо заскочить в мастерскую. Иди один.

Дуань Сюй весь вечер только и делал, что натыкался на глухую стену. Видя, что Цзянь Мяо даже не думает сменить гнев на милость, он вспылал:

— Цяо Цяо, оставь нас ненадолго, надо поговорить.

Цяо Цяо, чувствовавший за собой вину, спорить не стал:

— Понял, я тогда пойду...

Цзянь Мяо удерживать его не стал. Вскоре на пустынной аллее остались только двое.

Дуань Сюй вымотался до предела. Он стоял перед Цзянь Мяо, опустив плечи:

— Мяо-мяо, последние полмесяца я шагнуть к тебе боялся. Ты сказал, что не хочешь меня видеть — я исчез. Сказал, что тебе нужно время — я даже элементарное «доброй ночи» лишний раз отправить не смел! Мама звала тебя в гости на выходных, но я отказал ей, чтобы тебя не напрягать... А ты даже посмотреть на меня не желаешь! Я что, в твоих глазах совершил смертный грех?!

Цзянь Мяо горько усмехнулся:

— Я же сразу сказал: если тебе так тяжело со мной — мы можем расстаться.

— Почему другие могут нормально встречаться, держаться за руки, обниматься, а я должен бесконечно ущемлять себя и терпеть?! — с отчаянием выкрикнул Дуань Сюй.

— А другие, когда начинают встречаться, сразу получают контракт и готовый дебют? — спокойно парировал Цзянь Мяо, глядя ему прямо в глаза. — С твоей семейной историей ты смог бы сам открывать двери в «Агентство развлечений Синьхуан»? Получил бы те люксовые контракты через голову старших? Хотя в одном твоём промо-ресурсе обошлось без протекции семьи Цзянь?

Он говорил ровным, почти отстраненным тоном:

— Только не делай вид, будто ты эдакий наивный дурачок, который не понимает, откуда берутся все эти бонусы.

Цзянь Мяо с самого начала понимал: их отношения не будут обычным юношеским романом. Поэтому все, недополученное Дуань Сюем в плане романтической близости, он с лихвой компенсировал ему продвижением в карьере.

Отец Дуань Сюя был мелким предпринимателем, да и у того в последнее время дела шли из рук вон плохо — помочь сыну с пробиванием в шоу-бизнес он никак не мог. В семье Цзянь, при всех ее внутренних усобицах, оставались глубокие корни и огромное влияние. Без прямых звонков и протекции Цзянь Мяо Дуань Сюй к этой индустрии даже на пушечный выстрел не подобрался бы.

Лицо Дуань Сюя налилось краской:

— Выходит, Цзянь Мяо, ты считаешь, что я просто пристроился к тебе ради денег и связей?!

— Можешь думать как угодно, мне все равно, — Цзянь Мяо равнодушно отвернулся.

— Отлично! Просто замечательно! — задохнулся от обиды Дуань Сюй. — А я-то думал, ты злишься, потому что я тебе действительно дорог... А дело, оказывается, в социальном статусе! Раз так, то хрен с ним, с этим контрактом от часов бренда T! Нафиг мне не сдалась твоя барская милость!

Цзянь Мяо только уголок губ изогнул в тихой, усталой усмешке:

— Как знаешь.

Это ледяное спокойствие окончательно вывело Дуань Сюя из себя. Сжав кулаки, он выплюнул с ядовитой злобой:

— Ну да, где уж нам, простым смертным! Не у всех же получается любить с такой же ледяной, просчитанной до мелочей головой, как у тебя, Цзянь Мяо!

Бросив эти слова, он круто развернулся и ушел.

Цзянь Мяо остался один. Ночной осенний ветер приятно охлаждал щеки. Он вовсе не хотел

выставлять Дуань Сюю счета — когда в отношениях начинают высчитывать, кто кому и сколько обязан, любовь превращается в фарс. Да и не в его правилах было при расставании мелочно делить заслуги.

Он уже достал телефон, чтобы набрать агенту Дуань Сюя, как вдруг заметил высокого юношу у раковины возле второй столовой.

Во рту Цзян Яньчжоу белела тонкая палочка. Цзянь Мяо сначала решил, что тот курит, но, разглядев слегка округлившуюся щеку, понял: это леденец.

— Старшекурсник, — тихо позвал Цзян Яньчжоу.

Из-за того что он стоял совсем близко, Цзянь Мяо услышал, как конфетка со сдержанным стуком задела ровные зубы.

— А... ты почему здесь? — слегка растерялся Мяо.

— Ты ведь приходил угостить меня чаем? А я даже спасибо сказать не успел, — Цзян Яньчжоу вынул палочку изо рта. — Хотел подойти, но увидел, что ты занят, и зашел в магазинчик за сладостями.

С этими словами он протянул ладонь. На ней, словно яркий миниатюрный букет, лежала целая горсть разноцветных чупа-чупсов:

— Выбирай.

Цзян Яньчжоу удивительно тонко чувствовал границы и никогда не переступал черту, которая могла бы оттолкнуть Цзянь Мяо: не расспрашивал об адресе, не демонстрировал, что подслушал чужой разговор.

Цзянь Мяо улыбнулся и наугад вытянул один:

— Извини за тот чай. Он пролился.

— Ничего страшного. Лавочка еще открыта.

Цзянь Мяо думал, что разговор окончен, и от неожиданности замер. Цзян Яньчжоу хочет прямо сейчас пойти за новым стаканчиком?

Цзян Яньчжоу тихо усмехнулся, снова приблизив леденец к губам. От него веяло сочной, концентрированной персиковой сладостью:

— Старшекурсник, наша команда сегодня взяла первое место на турнире. Считай, это моя заслуженная награда, идет?

— Первое? — Цзянь Мяо опустил взгляд и заметил, что выбранный им леденец тоже оказался персиковым. — Надо же... Поздравляю.

Произнеся это, он вдруг поймал себя на мысли: а ведь на площадке Цзян Яньчжоу казался совершенно равнодушным и даже не улыбался. Неужели радоваться начал только сейчас, когда объявили результаты?

Заметив его задумчивость, Цзян Яньчжоу решил, что тот сомневается, и слегка качнул конфету в пальцах:

— Или... другим младшим ты напитки даришь, а мне нельзя?

Цзянь Мяо не ожидал такой постановки вопроса. На миг ему даже показалось, будто его поймали на предвзятости.

Сорвав обертку, он отправил персиковый леденец в рот и немного сбивчиво проговорил:

— Я просто задумался... Конечно можно. Пойдем.

В бархатной темноте осеннего вечера Цзян Яньчжоу не отводил от него горящего взгляда. В памяти отчетливо запечатлелся тот миг, когда Цзянь Мяо разворачивал конфету — розовый кончик языка, скользнувший по губам.

— Спасибо, старшекурсник. Я правда очень счастлив.

<http://bllate.org/book/19975/1986247>